

Козлов А. Г. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII — начала XIX века // Вопросы истории Урала. Вып. 11. Свердловск, 1970. С. 3–87.

Козлов А. Г. Татищев и заводское строительства на Урале // Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964.

Краткий очерк развития Санкт-Петербургского лесного института / под ред. П. Н. Вереха. СПб., 1903.

Кривоногов В. Я. В. Н. Татищев о «Табели горных чинов» // Уральский археографический ежегодник за 1973 г. Свердловск, 1975.

Лесенко Д. Материалы для истории горного промыслов в России // Горный журнал. 1883. № 280, 288, 297–303.

Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М., 1953.

Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.

Планер Д. И. Историко-статистическое описание округа Пермских казенных медеплавильных заводов // Пермский сборник. Кн. 1. Отд. 3. М., 1859.

ПСЗ. Т. 6. № 3890; Т. 15. № 11444; Т. 44 : Книга штатов. Отд. 4.

Рожков В. Деятельность капитана артиллерии В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра I. СПб., 1884.

УДК 94(470.5).05/062:651

А. М. Сафронова

РОЛЬ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПРИ КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В 20—30-е ГОДЫ XVIII в.

В статье впервые в историографии раскрывается роль учащихся горнозаводских школ в организации делопроизводства при органах управления казенными заводами Урала в 1720–30-е гг. в условиях острой нехватки не только подготовленных канцелярских служащих, но и незанятых в заводском производстве грамотных людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, Екатеринбург, В. Н. Татищев, В. И. Геннин, горное ведомство, делопроизводство, школьники.

В отечественной литературе упоминалось лишь об отдельных фактах использования школьников для письма в заводских конторах в 20–30-е гг.

XVIII в. и их распределении к приказным делам. Так, Н. К. Чупин отмечал, что в годы руководства заводами В. И. Геннина, «когда накоплялось в заводских много дела, то брали разом в помощь, на время, помногу учеников, что мешало успешному их учению, и они позабывали выученное уж прежде». В сентябре 1725 г. из 42 учеников арифметической школы 15 «писали в разных конторах» [Чупин, с. 18]. Эти данные повторил и Н. В. Нечаев [Нечаев, с. 85]. В. Н. Будрин на основе сводной таблицы, составленной в Канцелярии Главного заводов правления в 1746 г., привел данные о направлении учеников, выбывших из Екатеринбургской школы в 1735–1746 гг., к приказным делам и в переплетчики: в 1737 г. — 1, 1738 г. — 12, 1739 г. — 6, 1740 г. — 8, с 1741 по 1746 г. — соответственно 9, 8, 6, 8, 10, 3, всего 71 ученик из 493 [Будрин, с. 75]. Если учесть, что из общего числа учащихся (493 чел.) 224 ученика не были определены к делам по причине перевода в школы других заводов, отпущены по домам совсем или «до возрасту», бежали, умерли, получается, что из 269 учеников, распределенных к делам, 71 человек был направлен в подьячие (переплетчиками стали единицы). Это 21 % выпускников, то есть каждый пятый выпускник екатеринбургских школ за период 1735–1746 гг. стал подьячим.

В результате изучения документов о школах, действовавших при горных заводах Урала в первой половине XVIII в., в нашем личном архиве сформировался целый комплекс документов, позволяющих утверждать, что только благодаря открытию школ уральское горное начальство смогло наладить учет и контроль за проведением различных заводских работ; переписку документов в самом горном начальстве и многочисленных заводских конторах. Именно школьники, месяцами работая «у письма», стали одним из основных источников комплектования уральских учреждений кадрами делопроизводителей — писчиков, молодых, средних подьячих; постепенно переименованных в копиистов, подканцеляристов и канцеляристов, продолжавших подниматься по лестнице чинов. В 1721–1734 гг. удельный вес школьников, распределенных к приказным делам, был еще выше. Попытаемся показать это на основе выявленных документов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Прежде всего это нормативные документы, регламентировавшие деятельность заводских комиссаров в 1721 и 1723 гг., отдельные пункты которых предусматривали использование школьников для письма в Горной канцелярии и различных конторах; заводские штаты 1723 и 1726 гг. (Табели заводов), в которых фигурировали фамилии выпускников школ, зачисленных на должности канцелярских служителей; протоколы заседаний Канцелярии горного ведомства (с 1723 г. — Сибирского обер-бер-

гамта), распределявшей школьников к делам. Протоколы велись на протяжении нескольких месяцев в 1721–1722 гг., стабильно с 1725 г., не одна тысяча этих документов была просмотрена полностью. Наряду с протоколами использовались доношения заводских контор, подававшиеся горному начальству, прошения учащихся. В связи с неполной сохранностью дел привлекались книги входящих документов в Канцелярию горных дел за 1721 г., входящих-исходящих документов «Исецких заводов» 1723 г. Все эти документы хранятся в фонде 24 «Уральского горного управления» ГАСО. Использовались материалы Екатеринбургской заводской конторы, в чьем ведении в 1723–1726 гг. находились школы. От нее сохранились лишь книги записи входящих-исходящих документов за 1724 г., исходящих за 1725-й, входящих за 1726 г. [ГАСО, ф. 38]. Привлекались регистры входящих-исходящих документов Уктусской заводской конторы, сохранившиеся с 1723 г. [Там же, ф. 29].

С самого начала организация школ при казенных заводах Урала преследовала две важные цели — ускорение подготовки квалифицированных кадров для промышленности и снабжение заводских контор грамотными людьми для ведения делопроизводства. В наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву от 27 февраля 1721 г. Татищев, излагая план организации словесных школ при Уктусском, Алапаевском заводах и приписных к ним слободах, обосновал необходимость их открытия острой потребностью в грамотных людях для налаживания заводского делопроизводства: «Понеже здесь есть немалая тягость во отправлении дел от недостатка помощников, письма умеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцев уже обрести неможно, кто у какой работы был, что сделал...» [Татищев, с. 62].

Наказом предусматривалось активное использование школьников для помощи подьячим в Горном начальстве, которое тогда находилось на Уктусе: «Которые обучатся писать совершенно, оных брать в канцелярию для помощи и заставлять их писать, платя за труд по рассмотрению» [Там же, с. 63]. Летом 1721 г. были открыты арифметические школы на Уктусском заводе и в городе Кунгуре, в них собраны обученные на дому грамоте дети церковнослужителей, подьячих и мастеровых. В декабре 1721 г., вынося приговор об определении жалованья учащимся Уктусской словесной и арифметической школ, члены горного начальства В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер подтвердили: «И оных употреблять в Канцелярии для письма, когда нужда призовет» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 134]. О широком применении такой практики свидетельствует доношение подьячего горного начальства, поданное весной 1722 г. заводскому комиссару Т. Бурцеву, о необходимости сделать перочинные ножики и чернильницы «для при-

ходящих, которые и[з] школ и от других бывают письмом к нам [во] вспоможение» [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 110.].

В новом наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г., под контролем которого находилось уже три казенных завода (Екатеринбургский, Алапаевский, Каменск-Уральский), практика использования учащихся в Канцелярии регламентировалась Татищевым более подробно: «Ежели для письма, когда во время сочинения ведомостей потребно будет, то брать от учителей человека по два и по три, за которое должны им подьячие заплатить, которым они помоществууют, по три копейки на день» [Татищев, с. 89]. Таким образом, были определены размеры оплаты труда школьников за оказание помощи в переписке документов, и эта оплата возлагалась на самих подьячих. На 3 коп. по ценам того времени можно было купить три десятка яиц, более 2 кг мяса (пуд говядины стоил 20 коп.), правда, неизвестно, претворялось ли это положение в жизнь — документы об этом в делах отсутствуют.

В наказе Татищев невысоко отзывался о нравственных качествах подьячих, использовавших должностное положение в собственных интересах: «Понеже есть обычай подьячим детей своих обучать своему делу, которое состоит токмо уметь читать и писать, а наипаче от юности коварства знать, которое по их мнению великое искусство, и не ведая, что другая вольная науки большую пользу им и отечеству принести могут, оными гнушаются и не прилежат» [Там же, с. 89].

Татищев, придававший большое значение воспитанию нравственных качеств у учащихся школ [см.: Сафронова], сформулировал ряд требований к умениям и личности будущих кадров делопроизводителей и потребовал учитывать их при назначении на должность: «Того ради отрешить им сие намерение тако: в подьячие никого не допускать, которой чисто и слагательно писать не может, наипаче ж таких, которой ко лжи, краже, злобе и неправде склонен, весьма не допускать». Таких подьяческих детей предписывалось «обучать ремеслам иным». Учителю вменялось в обязанность наблюдать за поведением подьяческих детей «и за объявленные злости в приклад другим наказывать» [Татищев, с. 89]. Конечно, в условиях острого дефицита грамотных начальству не было дела до учета нравственных качеств детей подьячих, а именно они в первую очередь назначались на места копиистов, шли по стопам отцов.

Внедрение норм Генерального регламента 1720 г. вызвало бурный рост документов в горном управлении и заводских конторах, к тому же Берг-коллегия постоянно требовала присылки разного рода отчетных документов. Профессиональных подьячих при заводах не хватало. И с первого года действия Уктусской арифметической школы (1721) началось

использование ее учащихся для письма. Потап Неклюдов в декабре 1722 г. в челобитной, поданной в Уктусскую горную канцелярию, сообщал, что в 1721 г. в Канцелярии «дела счерна набело писал безо всякого прекословия непрестанно, как и прочие молодые подьячие» и сейчас пишет в Канцелярии «безденежно». Новый начальник заводов В. И. Геннин 17 января 1723 г. распорядился: с января давать ему жалованье по 8 руб. в год и «быть у новозачатых заводов у письма записок», то есть на строительстве Екатеринбургского завода Неклюдов стал, видимо, первым школьником, попавшим на постоянную должность писчика с оплатой за труд из заводских средств. В 1722 г. опись Уктусской горных дел канцелярии регистрирует «ведение Уктусских заводов от школьного ученика Андрея Попова о езде со штейгером Корсом для осмотру рудных мест» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 98].

«Росписью школьникам, кто в какую науку определен», составленной 8 февраля 1723 г. В. Н. Татищевым, отстраненным от руководства заводами из-за жалобы Демидова, и подписанной В. И. Генниным, направлялись к обучению заводским ремеслам восемь подростков с обязательством до обеда посещать школу; трое же учеников Уктусской арифметической школы — Степан Дергачев, Степан Дьячков и Петр Арефьев — были назначены «в Концелярию для письма» с жалованьем по 60 коп. в месяц, то есть 7 руб. 20 коп. в год [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23а, л. 635].

В Табели казенных заводов от 20 ноября 1723 г., первом штатном расписании заводов, в Екатеринбургской заводской конторе числились двое подьячих: Трофим Попов и Семен Гладков из школьников с жалованьем 9 и 12 руб. соответственно. В записной книге входящих документов Уктусской заводской конторы за 23 октября 1724 г. зарегистрирован указ Екатеринбургской заводской конторы «о присылке и определении в пищики из школьников Гарасима Попова» с дачей хлебного и денежного жалованья «против других пищиков» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 758, л. 12; ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 147, л. 120 об.].

Именно учащиеся Уктусской арифметической школы, имевшие более совершенные навыки письма, знавшие толк в числах, постоянно рассылались по местным конторам. Нужда в грамотных была настолько острой, что порой использовали недостаточно подготовленных к этому школьников. Так, в мае 1723 г. на Уктусский завод «к приему хлебных припасов» при неграмотном целовальнике был определен Андрей Черкасов. Он подал прошение приказчику завода об освобождении от «такого несносного дела», получив отказ, обратился напрямую к горному начальству, мотивируя тем, как бы «незнание и недовольство письма, и к тому делу числения» не принесло ущерба интересу е. и. в. и «себе не принять

истязания». А в июне 1724 г. надзиратель только что открытой в Екатеринбурге припасной канторы В. Ближевский просил Екатеринбургскую заводскую кантору «о перемене школьника Якова Елкина за незнанием в существо цифирю и науки» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1636а, л. 3 об., 20 об.; ф. 38, оп. 1, д. 2, л. 130]. Но это были единичные случаи.

Из-за острой нехватки грамотных некоторые ученики, распределенные в феврале 1723 г. «к ремеслам», в 1724 г. были «отозваны» к канторским делам. Ивану Столову, определенному к доменному делу, в 1724 г. пришлось вести учет работ на строительстве плотины нового Уктусского верхнего завода (цесаревны Елизаветы), а Степана Козырева от фурмового дела перевели к записи прихода-расхода заводских припасов. В августе 1725 г. он просил о назначении молотовым подьячим — из-за малого жалования «себя с домашними с нуждою питает», — и получил это место. Перераспределяли школьников и между учреждениями: в марте 1724 г. от приказчика Уктусского завода затребовали срочно в Сибирский обер-бергамт школьника Дьячкова, взамен на Уктус отправили Андрея Алферова [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 147, л. 61; оп. 1, д. 76, л. 425; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 132 об.; ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 258].

В январе 1724 г. земская кантора просила Екатеринбургскую заводскую дать на Уктус в помощь сборщику податей с крестьян школьника «для записки». В апреле для помощи в переписи детей, годных в школу и в работы, лесному надзирателю были даны на время школьники Терентий Бочков и Кирило Чуркин [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 2, л. 24 об.; ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 516 об.].

Зачастую временное использование школьников незаметно перетекало в постоянное, но без официального назначения, поэтому они не получали жалования, положенного писчикам. Яков Елкин в августе 1725 г. просил обер-бергамт определить жалование и выдать с марта 1724 г., когда был определен в припасную кантору «для письма». На протяжении 18 месяцев он продолжал получать лишь школьное жалование — по полтора пуда ржаной муки в месяц и 1 руб. в год на одежду и обувь [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 76, л. 426].

В 1724 г. во исполнение указа Берг-коллегии Сибирский обер-бергамт потребовал к 1 сентября прислать «обстоятельныя ведомости... о приходе и росходе денежной казны» с указанием, сколько денег с момента пребывания Геннина на заводах с декабря 1722 г. было в приходе из Тобольска, из дистриктов, на что они были потрачены, сколько при заводе было работников, с росписью по месяцам. Благодаря этим ведомостям мы получаем дополнительную возможность судить о фактах привлечения учащихся Кунгурской арифметической школы к выполнению работ, тре-

бовавших навыков письма, в Пермском крае. С мая 1723 г. началось строительство Егошихинского завода. «По письмам» капитана Берглина зафиксированы выплаты: «У переключки работных людей школьным ученикам Осипу Хлопину, Леонтью Попову на май муки ржаной 3 пуда» на 70 ½ коп.; им обоим с июня по октябрь, Попову же — по декабрь — денег по 75 коп. в месяц. Ясно, что кунгурские школьники записывали явку работных людей, приписных крестьян на протяжении нескольких месяцев в 1723 г. и были присланы для этого на Егошиху, за 82 версты от города. В 1724 г. с января по август показано «у письма школьным ученикам Осипу Хлопину, Леонтью Попову» 7 руб. 50 коп.; «У добычи камня... на Пыскорские заводы на плавильные печи у записки школьному ученику» на три месяца — 2 руб. 25 коп. В ведомости работников рудников Кунгурского уезда отмечен на Мулинских рудокопиях «у записки школьной ученик 1 с Кунгура» с июня по октябрь 1723 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 28, л. 79, 81 об., 90, 93, 511–511 об.].

В Табели Егошихинского медеплавильного завода за 1724 г. числились в качестве «приказчика» капитан Берглин, при нем двое подъячих и двое писчиков. В графе «по определению ныне налицо» отмечено: «...из школьников за пищиков в канцелярии у письма Леонтей Попов, в плавильне Осип Хлопин». Обоим в год — 18 руб. Судя по школьным ведомостям, первый был сыном попа 15 лет, второй — сыном пономаря, уже 20-летним [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 7; д. 26, л. 114–115]. Они были определены к делам с более высокой оплатой труда, чем ученики Уктусской школы.

В марте 1724 г. арифметическая школа с Уктуса была переведена в Екатеринбург. В июне 1725 г. Кунгурская арифметическая слилась с Екатеринбургской, последняя стала единственным источником рассылки учащихся к письменным работам по конторам и официальному распределению школьников на места подъячих. Один из кунгурских школьников, Михаил Мизинов (судя по школьным ведомостям, сын попа 15 лет), остался «у письма» при Егошихинском заводе. Обер-бергамт предписал: если он не закончил обучение, прислать немедленно в Екатеринбург, а на его место отправить другого школьника, «которой в окончании науки» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 3; оп. 1, д. 26, л. 114].

Учащиеся Екатеринбургской арифметической школы активно использовались для помощи в составлении приходно-расходных ведомостей для отправки в Берг-коллегию. Иван Бирюков в 1724 г. помогал «росходчику» Уктусского завода Д. Родюкову в составлении ведомостей за 1723 г., месячных и годовых. В январе 1725 г. он был забран в Екатеринбургскую заводскую контору, взамен на Уктус прислали школьника Трофима Вторых [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 7; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 78].

Чаще всего Сибирский обер-бергамт отсылал указ Екатеринбургской заводской конторе о необходимости отправить школьника для временного использования к определенному делу. Контора свой указ адресовала учителю Рыбникову, он при «доношении» направлял в контору избранного им ученика с указанием фамилии. По этой схеме в апреле 1725 г. на Алапаевский завод для помощи в составлении приходно-расходных ведомостей был направлен и пробыл там по август Самсон Попов; на Каменск-Уральский завод посылался Семен Кабаков в апреле, мае и июне [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 364–365, 434–436; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 132; ф. 24, оп. 1, д. 64, л. 34 об.; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 74 об., 89].

Когда в августе 1725 г. на Алапаевский завод потребовали «письмо умеющих для переписки набело надлежащих ведомостей», Екатеринбургская контора приказала управляться имеющимися там подьячими «или кого... нанять, а отсюда ис подьячих, из школьников, послать не ис кого». Летом 1725 г. на строительстве плотины при новом Уктусском заводе (цесаревны Елизаветы) «для записок» работ в помощь к школьнику Ивану Столову, находившемуся там с 1724 г., был прислан Митинев; а школьник Григорий Котугин взят «на время» на Уктусский завод для письма к «плавильным делам» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 131 об., 89; ф. 29, оп. 1, д. 11, л. 473, 5, 18]. В сентябре 1725 г., как отмечал Н. К. Чупин, из 42 учеников арифметической школы пятнадцать «писали в разных конторах».

В 1725 г. на должности писчиков в конторы Алапаевского и Уктусского заводов были назначены школьники Андрей Попов и Герасим Попов. Но осенью Герасим заболел, и комиссар Неклюдов опять приказал: «определить для письма из школьных учеников, которой полутше писать умеет, для того что из других в пищики определить не ис кого, о чем уже и в Сибирской обер-бергамт предложено было неоднократно». Школьник Фирс Никонов в тот же день был отправлен в Уктусскую контору и пробыл там с 29 сентября до 10 ноября. В декабре 1725 г. посылался «для записки припасов и работных людей» на строительстве плотины нового Уктусского завода Аврам Чернавин [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 89; д. 11, л. 473, 739, 920; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 155, 156, 193 об., 222].

Школьник Григорий Говорухин «специализировался» при надзирателе лесов у записи работ приписных крестьян, перевозивших уголь, с середины октября 1724 г. Летом 1725 г. Говорухина забрали от угольных дел в Уктусскую контору, где он пробыл с 19 июня до 9 ноября; 10 ноября появился на занятиях в школе, но через несколько дней был возвращен к учету крестьянских работ [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 147, л. 102; ф. 29, оп. 1, д. 11, л. 473, 920; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 155–156, 193 об.].

За эти работы, в зачет подушной подати, крестьянам выдавались ярлыки. Этот порядок ввел В. Н. Татищев наказом заводскому комиссару Т. Бурцеву в январе 1722 г. Ярлыки давались при отпуске с работ вместо денег и предъявлялись земскому комиссару, что исключало возможную потерю заработанных денежных средств. После регистрации сведений в рабочих книгах ярлыки сжигались, что исключало их повторное предъявление. Поскольку правильный учет выполненных крестьянами работ представлялся важным, опыт школьника Говорухина в этом деле ценился выше его школьной учебы.

Нередко школьники работали «у письма» без всякой платы за труд и получали ее лишь по прошествии нескольких месяцев. В сентябре 1725 г. был определен в писчики Трофим Вторых. До этого он использовался у приказных дел на Уктусе временно, и только 14 октября последовала промемория заводской конторы в казначейскую о выдаче ему денег с 1 января по август 1725 г. и всего 66 коп. с деньгою [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 149 об.; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 171].

В октябре 1725 г. члены Сибирского обер-бергамта Р. Горчаков и К. Гордеев приговорили: «неопределенных подъячих и всякого звания письмо умеющих, кроме действительно служащих при церквях, велеть переписать по заводам и по дистриктам прикащикам по именам с леты, и кто у каких дел бывал, а которые не бывали, каких оне и отцы их чинов люди, в самом немедленном времени, ибо в том имеется крайняя нужда, понеже во многих местах за неимением письмо умеющих людей правление нужнейших дел остановилось» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 107 об.].

Не все заводские конторы из-за недостатка подъячих справлялись с составлением «счетных» ведомостей о заводах. Указом Берг-коллегии от 17 февраля 1726 г., поступившим в обер-бергамт лишь 4 июня, предписывалось: канцелярским служащим на заводах, «не сочинившим» вовремя ведомости, жалованье давать половинное. Берг-коллегия разрешила использовать для помощи посторонних лиц с оплатой за каждую тетрадь. Местные власти вынуждены были констатировать: «...ведомства Сибирского обер-бергамта письмо умеющие определены все в комплект... и еще в комплект потребно многое число людей». Поэтому предписывалось «канцелярских служителей держать в канцелярии за караулом безвыходно» скованными, жалованье до окончания работы давать половинное. А «колико куды потребно для переписки оных щетов и репортов, отпускать из школьников письмо умеющих з запискою на урочные дни» и давать им за каждую переписанную тетрадь по 2 коп., сохраняя и школьное хлебное жалованье [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 132 об. – 133; д. 195, л. 173; оп. 1, д. 88, л. 274].

22 июня 1726 г. в записной книге Екатеринбургской заводской конторы зарегистрировано доношение Алапаевской конторы с просьбой при-слать трех школьников для сочинения счетов и рапортов за прошлые года. В июле были отправлены два ученика, Фирс Никонов и Устин Чернавин, и, судя по переписке контор, они пробыли там до конца года. В начале де-кабря управляющий Алапаевским заводом просил не забирать их, «пока оных счетов не допишут», в конце декабря школьники получили по рублю за полугодовую работу [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 6, л. 25 об., 30 об., 55, 57 об.].

В сентябре 1726 г. в Сибирском обер-бергамте слушали доношение «от Подволошных дел» о присылке к ним для письма рапортов «письмо умеющего» и определили: поскольку там «приход-расход невеликой», если человек «для письма оных пошлется, частию будет празден», по-этому для переписки «черные рапорта» с рудника присылать в обер-бер-гамт и переписывать их школьникам [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 305].

В 1726 г. были пущены три новых завода: Уктусский верхний, Верх-Исетский и Синячихинский. В связи с этим потребовались дополнитель-ные кадры подъячих. В марте 1726 г. в писчики на Синячихинский завод, расположенный в 10 верстах от Алапаевского, был направлен Иван Буг-рышев с жалованьем по Табели, то есть по 12 руб. в год. В отношении но-вого Уктусского завода 31 октября последовал указ обер-бергамта Екатеринбургской конторе: «...понеже никакой вещи без росписки в рос-ход употребить невозможно... посылать по одному из школьников письмо умеющих и переменять помесечно, дабы они науки не забыли, которому велеть там быть у письма в канторе, а между тем и росписываться, токмо оных приходных и расходных книг писать не допускать...». Никакой до-полнительной оплаты за работу не предусматривалось, лишь «школьные оклады» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 6, л. 10; ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 366–366 об.].

Так в 1726 г. появились новые формы временного использования школьников «у письма»: присылка ведомостей для переписки к месту учебы школьников и перемена учеников при выполнении письменных работ помесечно.

В ноябре 1726 г. на требование Екатеринбургской конторы назначить работников на Верх-Исетский завод в дополнение к Табели и сверх ком-плекта Геннин и Горчаков определили: «Буде же надобны будут куды в комплект или сверх оного где в новые места писчики, а в Екатеринбург-ском ведомстве письмо умеющих не сыщется, то брать, выбирая из школь-ников, которых в канторах, яко юнкеров канторским делам обучать прилежно, дабы оныя могли быть произведены выше, понеже по неодно-кратным требованиям от губернии и провинцей в подъячих обер-бергамту отказано, а чтоб письмо умеющих было всегда со излишеством, подтвер-

дить учителям школ, дабы школьников письму хорошему обучали прилежно, чтоб когда куда такие востребуются, всегда б были в готовности». При этом предписывалось: о всех назначениях рапортовать обстоятельно, но о подборе людей конторам сноситься между собой помимо начальства и «как возможно, обербергамт от непристойных требований освободить, разве что конторы чего собой учинить не возмогут» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 392–392 об.].

Согласно Табели (заводским штатам) 1726 г. [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 3–39] в Екатеринбургской заводской конторе место среднего подьячего с жалованьем 30 руб. в год оставалось вакантным. Числился за среднего молодой подьячий Трифон Попов из школьников, «церковного дьячка сын» с окладом 18 руб.; молодыми подьячими с теми же окладами были Петр Зверев «из вяцких подьячих» и Федор Аистов «ис каменных мастерских детей». То есть бывший школьник продвинулся дальше подьячих-профессионалов. Из двух писчиков один был «из мастерских детей», Петр Веселков — «из школьников, попов сын», из первого набора Кургурской школы. Среди четырех молодых подьячих при надзирателях работ числились из школьников Степан Козырев и Андрей Попов; среди четырех писчиков один был из верхотурских подьячих, а Яков Елкин, Семен Кабаков, Кирило Чуркин — из екатеринбургских школьников.

В конторе Уктусского завода трое подьячих и двое писчиков были «профессионалами», а при надзирателе работ «за писчика» трудился из школьников Григорий Говорухин. При Уктусском верхнем заводе, полагался лишь надзиратель работ с писчиком. Констатировалось: «на время за пищика управляет из школьников Аврам Чернавин, которого впредь за негодностию отставить и определить по-прежнему в школу», жалованье давать половинное — по 6 руб.

Писчиками служили из школьников: «у судных дел» в Екатеринбурге Андрей Васильев, в Екатеринбургской казенной конторе — Иван Солонин, при Полевском руднике — Иван Столов «до указу». В ведении Пермского горного начальства в конторе Егошихинского завода оба писчика числились из кунгурских школьников — Леонтий Попов и Осип Хлопин.

В августе 1726 г. Геннин и Горчаков рассматривали доношение ученика арифметической школы Фирса Кабакова об определении его писчиком в обер-бергамт. Любопытно определение начальства на эту просьбу: хотя по указу Берг-коллегии «велено школьников определять к горным делам, а в подьячие не упомянуто, токмо во обербергамте против Табеля одного пищика в комплекте не имеется, а дел весьма много, так что никоим образом управляться теми от малого числа подьячих невозможно». Поэтому быть Кабакову писчиком, пока из Берг-коллегии дополнение

не прибудет, а жалованье давать с 12 июня [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 266 об.].

Примечательно, что конторы просили об определении к делам именно школьников. В декабре 1726 г. Алапаевская контора просила у Екатеринбургской определить «двух человек школьников: одного к денежному приходу и расходу, к сочинению счетов и репортов, другого к заводским разным делам» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 6, л. 57].

В условиях острой нехватки приказных служителей начальство вынуждено было постоянно прибегать к их рокировке, перемещать наиболее опытных на самые важные участки работы, а на их места назначать школьников, при этом опускало вопрос о назначении им жалованья. Так, в августе 1726 г. члены обер-бергамта решили подъячего Уктусской заводской конторы перевести на Полевской завод, пущенный в строй в 1724 г. В Уктусскую контору «определить до указа из школьников письма умеющего». 3 сентября Екатеринбургская контора отправила в нее школьника Гаврилу Токарева, но прошло более полугода, прежде чем контора поставила вопрос о жалованье перед обер-бергамтом (22 марта 1727 г.). Горчаков распорядился: давать Токареву с числа определения половинное жалованье писчика, 50 коп. на месяц, «понеже он должность действительного подъячева за необыкновением и небытием у таких дел управить еще не может», позже, по аттестату конторы, можно будет и прибавить. Если Токарев получал школьное жалованье, его приказывалось вычестить, чтобы не было двойной дачи. Токарев, сын пономаря, был переведен в Екатеринбург из Кунгурской школы, и вдали от дома жить на скудное школьное жалованье, трудясь у дел, ему, конечно, было не без обиды [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 266; ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 37; ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 176; оп. 1, д. 87, л. 87].

В январе 1727 г. на доношение счетной конторы об определении в нее подъячих для сочинения ведомостей Геннин и Горчаков приказали: взять в помощь подъячих из обер-бергамта, а в бергамт определить из Алапаевской заводской конторы да в комплект по Табели взять из школьников Василия Бирюкова [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 28 об.—29].

Примечательно, что буквально на следующий день Бирюков подал доношение об определении жалованья и выдаче за прошедшие годы, которые был в науке. Начальство, выслушав выписку, решило: «...понеже... оной Бирюков определен был в Екатеринбург при фабриках у письма, того ради выдать ему жалованье против других школьных учеников с числа бытности его у письма мастерских книг по указу», то есть он не получал даже школьных сумм. Бирюков — сын попа из села Клевакино, в августе 1724 г. учитель Рыбников доносил о его побеге из школы

и последующей явке. Но в документах о временном использовании школьников его фамилия не упоминалась, хотя на деле оно превратилось в постоянное. Случай с Бирюковым позволяет предположить, что временное использование школьников для письма было более масштабным явлением, чем свидетельствуют официальные документы. В 1730 г. Бирюков числился копиистом горного повытья обер-бергамта и просил о повышении жалованья с 12 до 15 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 34–34 об.; д. 193, л. 128 об.; д. 201, л. 157 об.–158].

В феврале 1727 г. Геннин и Горчаков распорядились: не посылать в счетную контору Дьячкова из обер-бергамта (бывшего школьника, определенного к приказным делам еще в 1723 г.), вместо него дать двух школьников «для выкладки, которые обучили арифметик». Взамен взятого с Алапаевского завода писчика послать из школьников Фирса Никонова с половинным жалованьем, пока «заобыкнет к делам» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 121].

В августе 1727 г. в обер-бергамте слушали доношение Екатеринбургской заводской конторы: 1) об определении писчиком Аврама Чернавина, числившегося «за пищика», 2) об определении «достойного подьячего» на завод цесаревны Елизаветы (Уктусский верхний), так как одним писчиком, полагавшимся по Табели, «невозможно дела управлять». Начальство решило назначить туда двух копиистов из школьников, Чернавина и Галактиона Беляева, с оговоркой: кроме Беляева, по-видимому не имевшего опыта, определить некого, в обер-бергамте в искусных приказных немалая нужда [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 367—367 об.].

В октябре 1727 г. в обер-бергамте слушали доношение из конторы Верх-Исетского завода об определении «достойного числа» подьячих, без которых невозможно сочинять счета. Начальство опять прибегло к рокировке служащих и определило: если возьмут туда с Каменского завода Аистова, то на Каменский завод послать копиистом школьника Широкова. Школьникам Ефиму Феоктистову и Устину Кукарину, уже трудившимся на Верх-Исетском заводе, быть в конторе копиистами, жалованье, если не выдано, дать по школьным окладам, а с сентября — всем по полтине на месяц, то есть по 6 руб. в год [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 508—509].

Даже на должность подьячего в счетное повытье заводской конторы, важное подразделение, школьники назначались с выплатой половинного жалованья. В феврале 1728 г. по доношению Алапаевской заводской конторы подьячим «к счетам» отправили ученика Ивана Широкого с окладом 6 руб. в год вместо 12 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 196, л. 61 об.–62].

Набравшимся опыта подьячим-школьникам жалованье платили по 12 руб. В августе 1728 г. Геннин, находившийся в Соликамске, потребовал

послать в Пермский бергамт подъячих из Екатеринбурга. В Сибирском обер-бергамте решили отправить туда шесть своих подъячих, в том числе «из школьников Терентия Бочкова, Григория Котугина, Саву Солонина» с окладом 12 руб. [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 196, л. 361 об.].

По новым штатам 1729 г. в обер-бергамте «у свидетельства счетов» полагалось иметь двух канцеляристов, четырех подканцеляристов, четырех копиистов, да сверх штата потребовалось пять копиистов «в переписку прежних лет счетов и рапортов». В октябре 1729 г. указом обер-бергамта были определены копиистами «к счетным делам» сразу десять учащихся арифметической школы: Григорий Гуляев, Степан Храмцов, Сергей Бабушкин, Яков Баранов, Прокопий Стерлигов, Фирс Балакин, Саватей Теткин, Иван Беляев, Петр Говорухин, Семен Трусов с жалованьем по 6 руб. в год. В марте 1730 г. трем последним оклады повысили до 12 руб. В июне 1731 г. остальные семеро ходатайствовали о прибавке жалованья, жаловались, что из-за нехватки средств им приходится голодать. Но дело так и осталось нерешенным [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 203, л. 132 об.; д. 205, л. 355].

Бывших школьников, накопивших опыт, продолжали повышать в должности, новых школьников определяли на освободившиеся места. Так, в доношении «от счетных дел» в обер-бергамт в марте 1732 г. сообщалось, что многие школьники, пришедшие в 1729 г., перераспределены к другим делам, в том числе и Федор Санников, определенный «для письма и выкладки цифирью к денежным счетам» (сын подъячего с Каменского завода, будущий учитель Екатеринбургской арифметической школы в 1735–1741 гг.). На его место начальство назначило школьника Пимена Старцева, выучившего «цифирь», копиист Иван Широков был произведен в подканцеляристы, а вместо него взяли из школы Ефима Матвеева [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 205, л. 355–355 об.].

Судя по прошениям бывших школьников и выпискам по ним, получив при назначении на должность половинные суммы жалованья от полагавшихся по заводским штатам, начальство долго не повышало их. В октябре 1729 г. копиистом к «екатеринбургским плавильным делам» был определен Дмитрий Лабутин с жалованьем 6 руб. в год. Только через четыре года, в сентябре 1733 г., путем подачи прошения он добился его повышения до 12 руб. В марте 1727 г. был определен «к счетным делам... для выкладки цифирем» из школьников Иван Яковлев, в июле его перевели в копиисты с жалованьем 6 руб. в год, с октября назначили 12 руб., в марте 1731 г. он стал «за подканцеляриста», в связи с чем в июне попросил о прибавке жалованья, но безрезультатно [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 506, л. 84–84 об.; оп. 12, д. 203, л. 139 об.].

В марте 1732 г. шихтмейстер Бекетов из Екатеринбургской припасной конторы ходатайствовал об увеличении жалования конторским копиистам, обратившимся к нему с доношением об этом. Устин Чернавин, Иван Бочкарев (сын попа, прибывший из Кунгурской школы), Федор Бугрышев, Кирило Чуркин, Алексей Красильников работали в конторе давно, Бекетов считал, что прибавки они достойны, чтобы питаться без нужды: Чуркин в конторе с июля 1726 г. (имел 12 руб.); трое трудились с августа 1727 г. с жалованием по 6 руб., а с октября 1729 г. — по 12 руб.; Красильников с октября 1729 г. получал по 6 руб. В 1729 г. некоторым служащим у приказных дел оклады повысили, копиистам — до 15–20 руб. Но это доношение в обер-бергамте так и осталось не рассмотренным [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 205, л. 369–369 об.].

Были и исключения. В октябре 1730 г. прапорщик Е. Назарьев, поставленный во главе екатеринбургских лесных дел, сообщал в обер-бергамт, что в сентябре 1729 г. определены к нему подканцеляристом Петр Глебов, копиистами Семен Кабаков и Василий Черноскутов. Глебов в июне отпущен в Вятку, Кабаков «к имеющимся делам заобыкновенен и к трудам прилежен. У тех дел обретается немалое время», за прилежность и старательность достоин быть подканцеляристом. Через месяц его назначили на эту должность, увеличив жалование с 15 до 18 руб. Начальство, видимо, учло большой опыт работы «у письма», накопленный Кабаковым еще со школьной скамьи. Примечательно, что в мае 1732 г. обер-бергамт сразу же предписал выдавать жалование школьникам, «вновь определенным» копиистами в заводское повытье у счетных дел и на Верх-Исетский завод, с числа их назначения [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 201, л. 285–286 об.; ф. 38, оп. 1, д. 13, л. 30 об.].

В декабре 1730 г. трое учащихся Екатеринбургской арифметической школы Павел и Ерофей Трусовы, Леонтий Заякин просили об определении их в копиисты в обер-бергамт с положенным жалованием, чтобы они могли пропитать себя и платить подушную подать. Резолюция последовала лишь в июле 1731 г.: быть им в земском повытье копиистами с жалованием «против других новоопределенных» по 6 руб. в год, «ибо к делам еще не весьма заобычайны» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 201, л. 518].

Порой избранные учителем по указу обер-бергамта школьники оказывались совсем неопытными, и их распределение корректировалось начальством. Представленный в декабре 1732 г. учителем арифметической школы Каркадиновым в копиисты к екатеринбургским плавильным делам Григорий Денисов был признан начальством негодным для исполнения этой должности, так как «он у письма приказных дел еще не бывал, а у плавильных дел заобыкновенных подъячих нет, и в счетах и рапортах не

без остановки». Поэтому начальство решило к плавильным делам послать имеющего опыт от счетных дел; а к счетным делам направить Денисова с жалованьем 6 руб. в год [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 207, л. 480 об.].

Временное использование школьников для письма в конторах в конце 1720-х гг. значительно сократилось. В октябре 1728 г. промеморией от екатеринбургских счетных дел казначейскую контору просили выдать «за письмо тетрадей у щетных дел» школьникам Семену Трусову и Алексею Иванову 3 руб. 39½ коп.; в ноябре — Иванову 77 коп. В декабре 1728 г. по выписке, составленной у «прихода-расхода денежной казны», казначейская контора выдала школьнику Петру Говорухину «за письмо щетной выписки крестьянской дачи», за 74 тетради, 1 руб. 48 коп. В июне 1730 г. на январское (!) требование управителя Уктусского верхнего завода прислать школьника начальство распорядилось: «для письма и росписок в книгах за неимением там письмо умеющих послать по одному человеку из школьников помесечно с переменою» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 9, л. 168 об., 182, 188 об.; ф. 24, оп. 12, д. 199, л. 138; д. 200, л. 296, д. 215, с. 727].

В январе 1733 г. из словесной школы в арифметическую были переведены 21 ученик, и член обер-бергамта К. Гордеев предписал им в течение полугода после полудня писать в обер-бергамте документы «для наилучшего обучения письму, дабы они к тому руки свои натвердили» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 209, л. 18]. Безусловно, это был действенный метод научить аккуратному, чистому письму школьников и хорошая подготовка для будущих копиистов.

Заводское ведомство стремилось закрепить за собой школьников, обучавшихся за счет заводов. В. И. Геннин, И. Рудаковский и Н. Клеопин, слушавшие в сентябре 1734 г. дело о распределении мастеровых согласно новому штатному расписанию по заслугам их и укомплектовании свободных мест престарелыми, увечными, решили: требовать Ивана Кадешникова, подьячего Кунгурской воеводской канцелярии, в обер-бергамт для определения в подьячие к заводским делам. Основанием для этого послужило доношение капитана Берглина из Перми: Кадешников был показан в ведомости Кунгурской арифметической школы за 1723 г. среди учеников, получавших жалованье из заводской казны. Добавим, что Кадешников числился в ведомости как сын подьячего Кунгурской воеводской канцелярии 14 лет, второй по успехам (учил «сложение с долями»). Уже при новом начальнике заводов, В. Н. Татищеве, в ноябре 1734 г. возвращенный подьячий был назначен шихтмейстером на Троицкий завод Строгановых, а в марте 1735 г. определен подканцеляристом в Екатеринбурге. Более того, забрали и его родного брата Конона 19 лет для обучения в немецкую школу Екатеринбурга, Прокофия 13 лет — в школу, открытую Горным

ведомством в Кунгуре в 1735 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 214, л. 159 об.–164 об.; оп. 1, д. 26, л. 114–115 об.; д. 624, л. 688–689].

В то же время Кунгурская воеводская канцелярия определила учащихся этой Кунгурской школы, детей подъячих, Василия Красноперова и Семена Викулова, к себе писчиками, тогда как они были затребованы уральским начальством в школу в Екатеринбург. Но Горному ведомству пришлось смириться: в октябре 1736 г. в Пермскую земскую контору был отправлен указ об исключении их из списков учеников и оставлении на подьяческих местах [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 237, с. 183].

С возвращением В. Н. Татищева в качестве начальника заводов в октябре 1734 г. политика уральского начальства в отношении назначения школьников на места подъячих изменилась. Решено было пересмотреть состав канцелярских служителей: в июле 1735 г. В. Н. Татищев и член Канцелярии Главного правления Казанских и Сибирских заводов А. Хрушов постановили: «подъячих, оставших[ся] за штатом, старых и негодных, отставить и отпустить в слободы; молодых [подъячих], кои в возрасте, определить к ремеслам, а малолетних — в школы» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 222, с. 18]. Таким образом, решено было избавиться не только от престарелых приказных служителей, но и от неумелых, не сумевших за долгие годы службы продвинуться по служебной лестнице; «малолетов» же, зачисленных в условиях острой нехватки подъячих на должности писчиков, вернуть к школьному обучению.

В 1735–1736 гг. никого из школьников в подьячие не распределяли, несмотря на просьбы местных контор о присылке приказных служителей и нехватке до укомплектования штатных мест до 20 человек на июль 1735 г. [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 222, с. 104]. Пытались пополнить их число, требуя профессионалов из Казанской и Сибирской губерний, нанимая в Москве. Для помощи в составлении описей и в случае выполнения срочных работ стали использовать не школьников, а ссыльных. Те переписывали документы в Канцелярии Главного заводов правления, в заводских и земских конторах. Среди них было немало грамотеев, служивших ранее в учреждениях разных ведомств [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 216, с. 259; д. 218, л. 14, 147, 153].

Но в отдельных случаях пользовались и трудом учеников арифметики. Так, зимой 1734/1735 г. на Чусовской казенной пристани у записи приемного железа с заводов для отправки с караваном в центр водным путем весной трудился Матвей Зубрицкий. При шихтмейстере Михаиле Козлове на Шайтанском заводе Демидова «для записок» использовался школьник Иван Дмитриев, о чем узнаем благодаря жалобе шихтмейстера

уральскому начальству: умением школьника решил воспользоваться приказчик завода Густомесов и забрал его к себе [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 216, с. 98; д. 226, с. 167].

28 мая 1736 г. Татищев «с товарищи» слушали дело о жалованье учеников лесных надзирателей, которые были определены к делам до окончания работы комиссии, вводившей оклады по новому штату 1735 г. Согласно справке, комиссия установила им оклад 24 руб. в год. Но до укомплектования мест учеников лесных надзирателей на заводах не хватало двенадцати человек. Начальство еще 25 июня 1735 г. велело недостающих определять из Екатеринбургской арифметической школы, но оказалось: «в школе к тому способных, которые летами старше и в науках выше других, кроме семи человек, нет; да и те есче не совершенного возраста, токмо для недостатка людей по нужде у того быть могут». Поэтому 28 мая 1736 г. постановили: ученикам лесных надзирателей, определенным к делам ранее, жалованье выдать с числа их назначения и впредь давать по определению от 17 апреля 1736 г. по 2 руб. в месяц, то есть 24 руб. в год. В число недостающих учеников при лесных надзирателях определить на заводы из школьников: на Алапаевский, Сусанский, Сылвинский, Полевской и Северский — по одному человеку, на Кушвинский — двух. Жалованье давать, «пока в твердость науку свою познают и порученным им делам присмотрятся», с числа определения по 1 руб. в месяц, то есть в два раза меньше, чем ранее назначенным.

Примечательно, что всем ученикам лесных надзирателей было предписано вести и делопроизводство при углежжении: «и будучи тем ученикам на заводах всему куренному делу содержать приходу и росходу записки и надлежасие до того счисления иметь самим (не давая им к тому подьячих) под присмотром лесных надзирателей, где же оных нет — [под присмотром] управителей заводских и надзирателей работ, и в науках их, дабы оные не забыли, смотреть им же и к тому их принуждать» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 232, с. 252–253].

В текст инструкции учителям школ от 9 ноября 1736 г. «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» Татищев внес пункт о параллельном обучении детей чтению и письму в заводских школах, что являлось новшеством по тем временам и ускоряло процесс овладения грамотой. Как только ученик начнет читать по слогам, «тогда немедленно начать ему и писать буквы по черной деревянной доске ростворенным мелом, которое во всех школах иметь казенное» в течение часа после обеда. Когда внятно научится читать и писать буквы, начинать писать после обеда склады на бумаге. Далее Татищев подробно изложил методику обучения письму, благодаря чему дети «от младенчества правильно

и порядочно писать и писаное читать привыкнуть». Это имело большое значение не столько для самих детей, сколько для нужд заводского ведомства как будущего потребителя услуг хорошо подготовленных к письму школьников [Татищев, с. 239].

Для письма слогов предусматривалась выдача бумаги по шесть листов каждому ученику, для укрепления же навыков письма (бумага была роскошью) разрешалось практиковаться на черновиках, имевшихся в Горном начальстве: «...а сверх того могут, от канцелярии черные бумаги брав, обучаться, токмо им бездельных сказок и врак писать отнюдь не допускать». Наряду с выносом черновых бумаг в школу Татищев разрешил использовать школьников для копирования деловых бумаг, которых рассылалось начальством по заводам великое множество: «Сверх же того могут от канцелярии данные указы или дела набело переписывать» [Там же]. Таким образом, с ноября 1736 г. вновь позволялось привлекать школьников для переписки документов, но только с целью приобретения навыков хорошего письма, а не помощи в выполнении срочных работ.

Возможно, в связи с этим в июле 1737 г. подканцелярист Андрей Попов, сам из школьников, начавший трудовой путь в 1725 г. писчиком в Алапаевской заводской конторе, хлопотал о своем брате Изосиме, взятом в марте в Алапаевскую словесную школу, чтобы перевести его в Екатеринбургскую «и определить для обучения арифметика и письма при Канцелярии урочные часы, дабы мог он впредь произойти в приказные служители». Начальство просьбу о переводе удовлетворило, но это стоило ученику потери казенного жалованья: с января, до утверждения нового штата, его определять запрещалось [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, с. 69–76].

Покидая Урал в связи с назначением главой Оренбургской экспедиции, 23 июня 1737 г. Татищев вручил членам Канцелярии «Наставление», в пятнадцатом пункте которого написал: «...в русской школе весьма мешкаледно учат. <...> Которые же ученики довольно предписанному и нужному обучатся, тех скоряе на порозжие места производить, чтоб, себе достав пропитание, других к тому поохачивали. Наипаче же смотреть, чтоб канцелярию такими учеными подьячими удовлетворять, а негодных повыметать» [Татищев, с. 252–253].

В октябре 1737 г. члены Канцелярии приняли необычное решение в отношении молодых подьячих, бывших школьников, определенных к канцелярским делам при Геннине, в условиях острой нужды в грамотных людях. В протоколе от шестого числа читаем: «в общем присутствии приказано: подьячих Канцелярии Главного заводов правления молодых кождодневно посылать в арифметическую школу, тех, кои были из школы,

для тверждения арифметика и геометрии, понеже об них усмотрено, что научено в школах от своего ленивства позабыли. А другие, кои до сего неучены, а есче молоды, оных для научения хотя одного сложения и разделения, которое при канцелярских делах весьма нужно надобно. И быть им у обучения с полдни второй час весь, да третьего часа половину в каждой день, и для того в школу оную, кому ходить, послана при сем роспись, а кто в те часы не будет [ходить], велеть доносить, за что нерадивые имеющиеся будут наказываны на теле, а паче убавкою жалованья, и о том объявить». Далее следовали фамилии 11 человек: Василий Бирюков, Василий Афонасьев, Гаврило Второй, Малафей Безруков, Василий Попов, Аврам Чернавин, Стефан Хромцов, Иван Банников, Гордей Пастухов, Леонтий Заякин, Андрей Кузнецов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, с. 206]. Введение начальством ежедневного полуторачасового обучения математике можно расценить как своеобразное повышение квалификации канцелярских служителей — бывших школьников.

В октябре 1737 г. в связи с отъездом канцеляриста Асанова в Москву на его место взят копиист Василий Бирюков, а на место последнего в ноябре определен 16-летний Потап Иванов из арифметических школьников. Это было первое распределение екатеринбургского школьника в подьячие в годы управления заводами Татищева, но не единственное, как следовало из данных, приведенных В. Н. Будриным. В том же 1737 г. Тимофей Колмогоров был отослан к горному межевщику Андрею Татищеву к делу чертежей, но оказался непонятливым в арифметике, и был перераспределен копиистом на Пыскорский завод [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, с. 278–279; д. 692, с. 469]. В августе 1737 г. Пермское горное начальство распределило ученика Егошихинской школы Ивана Никитина в копиисты заводской конторы, Канцелярия утвердила это назначение, но впредь запретила направлять к делам без своего указа [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 154].

Возобновилась практика временного использования школьников у канцелярских дел. 28 февраля 1738 г. Екатеринбургская свидетельства припасных счетов контора сообщала Канцелярии, что за малостью подьячих в скорости составить ведомости о строении, меди, железе и прочих припасах для отправки в Генерал-берг-директориум некому. Начальство приказало: «для вспоможения дать из школьников, писать умеющих, дву[x] человек», по составлении ведомостей в этой конторе, «отослать в Казначейскую». Отправлены были 21 марта из арифметической школы Петр Федоров и Денис Тиунов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 760, л. 78–80].

1738 г. стал началом массового распределения школьников к приказным делам. В январе должность протоколиста Канцелярии получил канцелярист Асанов, на его место назначен копиист, а на место копииста

в феврале предписывалось «взять из школы самого лутчаго писца и к тому достойного, и представить в Канцелярию». Учитель арифметической школы Ф. Санников представил И. Юдину, члену Канцелярии, отвечавшему за деятельность школ, Ефима Булычева, «от науки деления второй части».

В феврале 1738 г. на указ Татищева из Самары о Даурских серебряных заводах уральское начальство постановило: «копеиста послать из екатеринбургских школьников», то есть подросток прямо со школьной скамьи отправлялся в далекую Сибирь. Весной и летом 1738 г. на места подьячих распределили сразу же несколько учащихся. В марте двух копиистов Северского завода из-за их «продерзостей» заменили школьниками. В июне к М. Кутузову направили копииста из школьников. На новый Туринский завод определили подьячих из Канцелярии, а на место копииста в школьное повытье Канцелярии приказали выбрать из учеников школ. В июле на место выбывшего из конторы Верх-Исетского завода копииста назначили двух учеников арифметической школы — Дениса Тиунова и Петра Федорова. В августе по доношению Сысертской заводской конторы о присылке писаря туда отправили «из непонятливых» ученика немецкой школы Матвея Сафьянова. В Контору судных и земских дел в копиисты был назначен школьник Федор Седачев. Школьники были определены и в контору свидетельства счетов, и в казначейскую контору Екатеринбурга [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 760, л. 42–44, 75, 76; д. 762, с. 12, 16, 32–34, 92, 96, 125, 266].

4 августа 1738 г. в Канцелярии Главного заводов правления заслушивали докладную выписку секретаря Евдокима Яковлева об отсутствии комплекта копиистов в ней: должно быть тринадцать, налицо восемь, в том числе пятеро из вновь определенных школьников. Яковлев оговаривался: «...а хотя которые из школ вновь и определятся, но в письме весьма косны и много описываются, и от того в переписках и в смотреии за ними того, что переписывают, чинится затруднение, а в делах оттого немалое медление». Поэтому секретарь предложил: определять на место одного копииста по два человека из школьников, «дабы чрез то как в делах было исправнее, так и они, присмотрясь, после могли к розсылке на новые заводы быть годными, а жалованье чрез то штатную сумму не превзойдет, ибо можно давать ис положенной суммы по усмотрению, что и по указу ис Правительствующаго Сената 1725 года чинить позволено». Начальство так и решило: на каждое вакантное место определить по два ученика, дать им жалованье из канцелярской суммы «по рассмотрению».

Примечательно, что секретарь просил вместо умершего писца заводского повытья ссыльного Ивана Сорокина дать другого ссыльного, но начальство предписало: «ссылным с сего определения в Канцелярии

у письма не быть», имеющихся из вечно осужденных отослать в заводскую контору, присланных на поселение — в контору земскую. «Если же в Канцелярию надобны будут писцы и сверх определенных подьячих, то брать школьников, сколько когда понадобится и платить им по усмотрению ис подьяческой суммы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 747, с. 557, 559–560, 564].

Чтобы укомплектовать Канцелярию хорошими писцами, от учителя латинской школы К. Кондратовича забрали определенных к нему еще в 1735 г. для переписки переводных книг Мартына Второго и Семена Аистова, направили в копиисты и ученика немецкой школы Ивана Замощикова. На оставшиеся вакантные места были распределены ученики немецкой школы Матвей Чистой, Афанасий Попов, Афанасий Шипицын и Емельян Солоницын — дети канцелярских служащих, за исключением Чистого, сына мастера. Кондратовичу же взамен послали из немецкой школы Бориса Воинова и Андрея Распопова [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 102, 104].

Таким образом, за счет десятерых учащихся школ к августу 1738 г. были полностью укомплектованы штатные места копиистов уральской Канцелярии. Отметим, к приказным делам наряду с учениками арифметики начали распределять и учащихся немецкой школы. В связи с увеличением документооборота в Канцелярии в условиях строительства новых заводов, появления новых заводских контор начальство вынуждено было подтвердить временное привлечение школьников к канцелярским делам с оплатой за труд, заменить ими ссыльных, а для ускорения работы прибегнуть к практике назначения на одно место копииста двух неопытных школьников.

В 1738 г. посылались школьники в качестве писцов и к целовальникам: в июле на Туринский завод к записке припасов к целовальнику «для письма у него из ево платы» был отправлен из Екатеринбургской арифметической Осип Грудин; в августе при Клеопине, курировавшем строительство Кушвинского и того же Туринского заводов, понадобился подьячий и школьник. В ноябре 1738 г. ученика немецкой школы Ивана Лесунова, выключив из списка школьников, отправили на Кушвинский завод к письму у целовальников [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 55, 106, 303].

И во второй половине 1730-х гг. имели место случаи, когда школьников распределяли к делам без назначения жалованья. Так произошло с назначением писца в Щелкунскую крепость близ Сысертского завода. В декабре 1737 г. Канцелярия предписала Сысертской заводской конторе отправить в крепость бумагу, сургуч и школьника, умеющего писать. Но учитель Сысертской школы показал, что лишь двое учеников от чтения

перешли к письму, пишут склады. В январе 1738 г. Канцелярия издала указ о направлении в Щелкун ученика Екатеринбургской арифметической школы Саввы Здохина, но почему-то через несколько дней отослан был его соученик Никифор Крюков, причем без решения вопроса о жалованье. Ровно через год Крюков дважды подавал доношения: 9 января — «о свободе ево от письма из Щелкунской крепости» и 18 января — о выдаче «за бытие там» жалованья. Из крепости подтвердили: там «бес писца ни которыми мерами быть невозможно». Только 5 апреля 1739 г. последовало решение начальства об определении и выдаче Крюкову жалованья по 50 коп. на месяц, и впредь, пока в крепости будет писец, предписывалось давать такое же, за счет башкирской комиссии [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 691, с. 518–522; оп. 12, д. 267, с. 40].

В ноябре 1738 г. от управителя Катайского дистрикта Ивана Аврамова в Канцелярию поступил «доклад», в котором сообщалось, что «за недовольством приказных людей» произошла остановка в челобитных делах — прошений писать некому. А в Каменской словесной школе у обучения арифметики Иван Попов, Степан Лоскутников и другие — шесть человек. «Читать и писать обучены давно, и за невыдачей им жалованья питаютца подаянием, и завсегда нисчетствуют, и ходят босы, на которых и смотреть не без сожаления, а попечения об оних от Каменской заводской канторы, может быть, что не имеется. А ежели для помосчи в письме, покамест по представлениям моим приказных людей в прибавок будет определено, в Катайской земской канторе определятца, то пропитание иметь будут нескучное, а письму, и приказным делам, и арифметики под смотрением подканцеляриста Гобова обучатца с охотою и той Каменской школы будет им полезнее». Это были месяцы, когда ученики из-за перерасхода штатных сумм, положенных на содержание школ, перестали получать жалованье, его давали лишь сиротам и детям отставных. Уральское начальство пошло навстречу и разрешило до определения настоящих подъячих назначить этих школьников к приказным делам и питание, обучение им иметь, как предложил управитель [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 348–350].

Активно распределялись школьники к канцелярским делам и в 1739 г. В апреле учитель арифметической школы Ф. Санников объявил о направлении в копиисты в Кушвинскую заводскую контору Михаила Шипицина, из геодезических учеников — Ивана Бердникова, в Екатеринбургскую казначейскую контору — Никифора Крюкова, бывшего до этого в Щелкуне. Только 30 мая начальство решило отослать их, жалованье, как и прочим, давать по трудам, из положенной по штату подъяческой суммы; а новому ученику, посылаемому в Щелкунскую крепость, давать по окладу, определенному ранее Крюкову, на счет башкирской комиссии. В мае в ученики

к куренному надзирателю в Сысерть решили определить копииста из Казначейской конторы Екатеринбургa, а копиистом в контору — «достойного» школьника с жалованьем [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 268, с. 260; д. 265, с. 170].

В мае 1739 г. в уральскую Канцелярию поступило доношение Сылвинской заводской конторы, созданной в связи с началом строительства нового завода: по указу Канцелярии от 15 апреля 1735 г. в нее были определены подканцелярист и двое копиистов. Копиист Иван Попов явился к конторским заводским делам весьма негоден, «туп и глазами мало зрителен, не токмо что ему самому что зделать, но и с черна на бело переписать не умеет без многих описок, между чем токмо излишняя трата бумаге и продолжение времени» и жалованья своего «не стоит». Определены к приему денежной казны и припасов из кунгурских приписных крестьян в целовальники два человека «не письмо умеющие», в этом случае им положено содержать на своем коште подьячего, но если бы и умели писать, самим содержать книги им не под силу, спросится же за упущения на заводской конторе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 808, с. 826–827].

Только 7 ноября 1739 г. Юдин подал в Канцелярию доношение: по определению Канцелярии велено из школьников определить в копиисты в Сылвинскую и Сысертскую заводские конторы, в Канцелярию, а для записи прихода-расхода на Сылву к целовальнику — в писцы, но никого еще не выбрано, «в школах за распределением к делам способных к тому весьма мало», поэтому предложил определить в копиисты прибывших подьячих с Кушвинского завода, переданного к этому времени в частные руки, а к целовальнику в писцы — ученика арифметической школы Козьму Неугодникова, у которого на Сылве отец в копиистах. Начальство решило: отправить в Сылвинскую контору копиистом школьника Неугодникова на время, пока подьячие с Кушвы закончат составление описей дел, а потом перевести его писцом к целовальнику [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 808, с. 834–836].

В целом приведенные выше данные свидетельствуют, что открытие В. Н. Татищевым в 1721 г. школ при уральских заводах позволило в короткие сроки подготовить собственные кадры подьячих для обеспечения главного органа управления заводами и многочисленных контор, цехов, где надо было вести письменный учет работ. Распределялись на эти должности исключительно учащиеся арифметических школ. В условиях острого дефицита грамотных огромную роль в 20-е гг. XVIII в. сыграло и временное использование школьников для письма в конторах, у переключки работных людей и приписных крестьян при строящихся заводах, заготовке древесного угля и других работах. Во второй половине 30-х гг.

XVIII в. благодаря расширению сети школ и увеличению в них числа учащихся удалось полностью обеспечивать заводы собственными кадрами делопроизводителей, началась отправка школьников и в заводские конторы Сибири. В 1740-е гг. сама Берг-коллегия, центральный орган управления горнозаводской промышленностью России, стала заполнять свои вакантные должности делопроизводителей выпускниками уральских школ.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45–98.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление); Ф. 29 (Уктусский золотопромывательный завод); Ф. 38 (Екатеринбургская заводская контора).

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944.

РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия).

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и нравственное воспитание молодежи на Урале в 20-е–30-е годы XVIII в. // Пятые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 9–16.

Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750. М., 1990.

[*Чупин Н. К.*] Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. 1. Пермь, 1882.

УДК 94(470.5).083

О. М. Семерикова

ПРОДАЖА КАЗЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ (1906–1917 гг.)

Рассматриваются продажи казенных земель в Вятской и Пермской губерниях в период реализации столыпинской аграрной реформы. На основе документов региональных архивов выявлено, что процесс и особенности продажи казенных земель не соответствовали потребностям всех категорий крестьян, стремившихся приобрести земли в собственность. Установлено, что причинами неудач была позиция государства, нехватка землемерного и технического персонала, нежелание части уральских крестьян приобретать земли в форме «хуторов» и «отрубов». Учет региональной специфики в политике правительства на позднем этапе реформы способствовал достижению лучших результатов.